

*ЕГОДУРОВА Виктория Макаровна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). Автор 105 научных публикаций**

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА ГЛАГОЛА В РУССКОМ И БУРЯТСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставлению в русском и бурятском языках категории залога глагола, реализующей в предложении субъектно-объектные отношения. Выявлена общая основа лексико-грамматической категории залога как языковой универсалии и определены залоговые формы глаголов указанных языков. В обоих языках категория залога образуется противопоставлением форм глаголов действительного и страдательного залогов. В сопоставлении рассматриваются особенности семантики залоговых форм русских и бурятских глаголов. В анализируемых языках глаголы действительного залога могут быть как производными, так и непроизводными и обозначают активные действия субъектов, направленные на объект; есть конструкции, в которых субъект одновременно выступает и объектом действия. Производные глаголы действительного залога в русском языке – это возвратные непереходные глаголы со словообразовательным суффиксом *-ся*. Производные глаголы действительного залога в бурятском языке – это глаголы со словообразовательными суффиксами с побудительным (суффикс *-уул*), совместно-взаимным (суффиксы *-лса, -лсэ, -лсо*) и взаимновозвратным (суффиксы *-лда, -лдэ, -лдо*) значениями. Глаголы страдательного залога в русском и бурятском языках обозначают пассивные действия глаголов: это непереходные глаголы, но образуются от переходных с помощью суффиксов. В русском языке – это возвратные глаголы с формообразовательным суффиксом *-ся*. В бурятском языке глаголы страдательного залога могут быть непроизводными (образуются при помощи формообразовательных суффиксов *-гда, -гдэ, -гдо*) и производными (образуются при помощи словообразовательного суффикса с побудительным значением *-уул*). В категории залога рассматриваемых языков тесно переплетены грамматические (морфологические и синтаксические) и лексико-словообразовательные значения, которые проявляются по-разному в связи с особенностями функционирования флективного (русского) и агглютинативного (бурятского) типа языков. В работе прослеживаются универсальные и различительные особенности в семантике и способах выражения категории залога русского и бурятского глаголов.

Ключевые слова: *русский язык, бурятский язык, субъектно-объектные отношения, категория залога глагола, словообразовательный суффикс, формообразовательный суффикс.*

*Адрес: 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24-а; e-mail: egodurova52@mail.ru

Для цитирования: Егодурова В.М. Сопоставительная типология грамматической категории залога глагола в русском и бурятском языках // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 4. С. 62–71. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.62

Одними из актуальных проблем языкознания считаются выявление и исследование типологически существенных признаков, составляющих характеристику конкретного языка. Особенности отдельного языка более наглядно проявляются при сопоставлении с языковыми фактами другого языка. Работы по типологическому сравнению языковых систем конкретных языков для обнаружения сходств и различий независимо от их генетической принадлежности пополняют сведения по теории языка.

В настоящей статье обратимся к выявлению общих свойств и различий в грамматической категории залога глагола в русском и бурятском языках. Типологическое сопоставление указанной грамматической категории в рассматриваемых языках проводится впервые.

Примем за типологическую константу, т. е. универсалию, наличие категории залога глагола, реализуемой в предложении для выражения субъектно-объектных отношений. Трактовка категории залога в русском и бурятском языках претерпела длительный и сложный путь развития. Кратко отметим, что в русском языкознании в результате сложилась ставшая традиционной трехзалоговая классификация [1], позднее появилась двухзалоговая [2]. Эти классификации зафиксированы в академических грамматиках русского языка, которые принято считать классическими научными изданиями. В бурятском языкознании сложилась ставшая традиционной пятизалоговая классификация [3–10] – ее формирование мы рассматривали начиная с ранних грамматик по монгольскому, бурятскому языкознанию и заканчивая современными трудами [11]. Уточнив степень проработанности темы, мы продолжили исследование категории залога бурятского глагола в контексте новых теоретических данных общего языкознания в области изучения семантики и средств выражения категории залога и разработали новую концепцию, согласно которой определена двухзалоговая классификация [12]. За основу сопоставления в нашей статье будут приняты двухзалоговые классификации в русском и бурятском языкознании [2, 12].

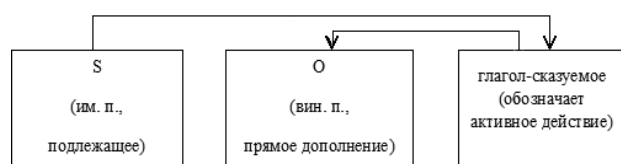
Типологически сходным для категории залога русского и бурятского языков является выражение субъектно-объектных отношений. В данных языках залог как грамматическая категория формируется средствами морфологии и синтаксиса. По нашим наблюдениям, категория залога глагола в русском и бурятском языках – это лексико-грамматическая категория, которая выражает отношение действия к субъекту и объекту действия. В обоих языках залог отражает ситуацию, включающую субъект, действие и объект, а глагол может обозначать как активное действие субъекта при употреблении в активной позиции (Aktiv), так и пассивное состояние объекта, возникающее в результате этого действия, при употреблении в пассивной позиции (Passiv).

Согласно традиционной трехзалоговой классификации в русском языкознании выделяются действительный, страдательный и средневозвратный залогов. Согласно двухзалоговой классификации – действительный и страдательный залогов, средневозвратный отнесен к действительному. В бурятском языке выделяются действительный (имеющий побудительное, совместно-взаимное и взаимно-возвратное лексические значения) и страдательный залогов (по двухзалоговой классификации). Итак, категория залога глагола в сопоставляемых языках может быть сведена к двучленной – противопоставлению глаголов действительного и страдательного залогов.

Сопоставим соответствия залоговых значений в русском и бурятском языках. В русском языке действительный залог выражает действие как исходящее от субъекта и направленное на объект или направленное на сам субъект, если глагол выражает возвратное значение. Схематически конструкции с глаголами действительного залога можно представить так: S → глагол → O. Например: *Рабочие → строят → дом; Студенты → сдают → экзамен; Комиссия → утвердила → проект.* S выражен формой им. п., т. е. формой, специально предназначенной языком для обозначения семантического субъекта (подлежащее), O выступает в форме вин. п.,

т. е. форме, специально предназначенной языком для обозначения семантического объекта (прямое дополнение). Конструкции из подлежащего (субъект), сказуемого – переходного глагола – и прямого дополнения (объект) называются действительными, или активными, оборотами речи. В таких оборотах употребляются глаголы действительного залога. Показателями действительного залога являются переходность глагола и наличие прямого дополнения. Действительный залог имеет только синтаксическую характеристику (S в им. п. + переходный глагол + O в вин. п.): *Школьники пишут сочинение; Художник рисует картину.*

В бурятском языке активное действие субъекта (Aktiv) тоже выражают глаголы действительного залога. Конструкции из подлежащего (субъекта), сказуемого – переходного глагола – и прямого дополнения (объекта) называются действительными оборотами. К действительному залогу относятся переходные глаголы, а также переходные глаголы (производные) с побудительным, совместно-взаимным и взаимно-возвратным лексическими значениями. В действительном обороте речи субъект выступает в форме им. п., глагол обозначает действие, прямо направленное на объект, выраженный формой вин. п. Конструкции с действительным залогом бурятских глаголов можно представить следующим образом:

Например: *Димэд үнэз хаажа, Доржо тугалаа адуулна* (Ч. Цыдендамбаев). – *Димит доит корову, а Доржи насет телят; Уула мори зобоохо, уур хү зобоохо* (Поговорка). – *Гора мучает коня, гнев мучает человека.*

Димэд, Доржо – субъекты, выражены существительными в им. п., являются подлежащими; *хаажа (доит), адуулна (насет)* – глагольные формы действительного залога,

обозначают действия субъектов, прямо направленные на объект, в сложном предложении являются сказуемыми; *үнэз (корову), тугалаа (теленка)* – объекты, выражены существительными в вин. п., являются прямыми дополнениями. *Уула (гора), уур (гнев)* – субъекты, выражены существительными в им. п., являются подлежащими; *зобоохо (мучает)* – глагольная форма действительного залога, обозначает действие субъекта, прямо направленное на объект, в сложном предложении является сказуемым; *мори (коня) и хү (человека)* – объекты, выражены существительными в вин. п., являются прямыми дополнениями.

Глаголы действительного залога в бурятском языке по структуре могут быть как непроизводными, так и производными. В приведенных выше примерах употреблены непроизводные глаголы. Производные глаголы образованы от непереходных с помощью словообразовательных суффиксов с побудительным (-уул, -га), совместно-взаимным (-лса, -лсэ, -лсо) и взаимно-возвратным (-лда, -лдэ, -лдо) значениями. В следующих примерах употребляются глаголы действительного залога с побудительным значением.

Үгы хаа, би нэгэдэхи класста энээнцье оруулхаб. – *В противном случае я зачислю его в первый класс. Би (я)* – субъект, выражен местоимением в им. п., является подлежащим; *оруулхаб (зачисляю, досл. «заставлю войти, переведу»)* – глагол действительного залога, обозначает действие субъекта, прямо направленное на объект, в предложении является сказуемым; *энээнцье (его)* – объект, выражен местоимением в вин. п., является прямым дополнением. Суффикс -уул в глаголе выступает в функции словообразовательного, имеющего значение «заставить, отпавить».

Доржо хайрсагаа нээжэ, букварь арифметикэ хоёрые гаргаба. (Ч. Цыдендамбаев). – *Доржи, открыв свой сундучок, вынул букварь с арифметикой. Доржо* – субъект, выражен сущ. в им. п.; *гаргаба (вынул, досл. «заставил выйти»)* – глагол действительного залога, обозначает действие субъекта, прямо направленное на объект, в предложении является сказуемым,

суффикс *-га* выступает в функции словообразовательного со значением «заставить»; *букварь арифметикэ хоёрые* (*букварь и арифметику*) – объекты, выражены сочетанием существительных с числительным в вин. п., в предложении являются прямыми дополнениями.

Глаголы действительного залога с возвратным значением (или средневозвратного залога по трехзалоговой системе) в русском языке обозначают активное действие субъекта, направленное на него самого. Субъект действия одновременно оказывается и его объектом. Действие сосредоточено в самом субъекте.

Схематически можно представить так: S-O → → глагол. Например: *Ребята купаются в реке; Друзья встретились после долгой разлуки*. Согласно двухзалоговой классификации эти глаголы относятся к действительному залого. Показателем действительного залога с возвратным значением является словообразовательный суффикс *-ся*, который образует глагол с новым лексическим значением. Выделяются следующие основные группы глаголов по значению со словообразовательным суффиксом *-ся* (см.: [2]):

1) глаголы собственно возвратного значения, обозначающие действия, направленные на производителя действия: *бриться, одеваться, причесываться, умываться*. Суффикс *-ся* имеет значение, близкое к возвратному местоимению *себя*: *мыть себя, брить себя*;

2) глаголы взаимно-возвратного значения, выражающие действия, совершаемые двумя или несколькими лицами, каждое из которых является одновременно и субъектом, и объектом: *браниться, встречаться, обниматься*. Суффикс *-ся* имеет значение, близкое к значению сочетания *друг друга*: *обниматься = обнимать друг друга*;

3) глаголы общевозвратного значения, называющие действия, замкнутые в сфере субъекта как внутренние состояния субъекта и как

совершаемые им движения: *веселиться, печалиться, радоваться, сердиться; кататься, мчаться, наклоняться*. Суффикс *-ся* имеет значение, близкое к значению местоимения *сам*;

4) глаголы косвенно-возвратного значения, обозначающие действия, совершаемые субъектом для себя, в свою пользу, в своих интересах: *запасаться, прибираться, укладываться* и др. Суффикс *-ся* имеет значение, близкое к значению сочетания *для себя*: *запасаться = запасать для себя*. При этих глаголах прямые дополнения отсутствуют, возможны лишь косвенные дополнения;

5) глаголы с активно-безобъектным значением, обозначающие действия, которые выступают как постоянное и характерное свойство субъекта: *корова бодается, еж колется, собака кусается, стекло бьется, крапива жжется*;

6) глаголы с характеризующе-качественным значением: *провода гнется, вода испаряется, бензин улетучивается, железо окисляется*. Они обозначают способность пассивного предмета подвергаться названному действию. Действие характеризует предмет как его постоянный качественный признак.

Словообразовательный постфикс *-ся*, как показывают наблюдения, образует глаголы, указывающие на сосредоточенность действия в самом субъекте¹.

Русские глаголы действительного залога с возвратным значением (или средневозвратного залога по трехзалоговой классификации) тождественны по значению производным бурятским глаголам действительного залога, имеющим совместно-взаимное и взаимно-возвратное лексические значения. Бурятские глаголы действительного залога с указанными значениями обозначают активное действие субъекта, направленное на него самого.

Глаголы действительного залога с взаимно-возвратным значением семантически объединяют

¹Постфикс *-ся* является также и морфологическим показателем страдательного залога, выполняя формообразующую функцию. Значит, возвратный постфикс *-ся* полифункционален. В одних случаях он выступает как формообразующий (при образовании форм страдательного залога от действительного залога), в других – как словообразующий.

в единое целое субъект и объект речи и обозначают действия, совершаемые двумя или несколькими лицами, каждое из которых является одновременно субъектом и объектом речи. Например: *Алдар Баяр хоёр тэбэрилдэбэ.* – Алдар и Баяр вдвоем обнялись; *Сэсэг Эржена хоёр ушаралдаба.* – Сэсэг и Эржена вдвоем встретились.

Алдар Баяр хоёр, Сэсэг Эржена хоёр – субъекты, выражены сочетаниями существительных в им. п. с числительным *хоёр (два)*; *тэбэрилдэбэ (обнялись, обняли друг друга), ушаралдаба (встретились, встретили друг друга)* – глаголы действительного залога, обозначают действия, совершаемые двумя лицами, каждое из которых выступает и субъектом, и объектом речи. Суффиксы *-лда, -лдэ, -лдо* в глаголах имеют значение, близкое к значению сочетания *друг друга*.

Действительный оборот речи с глаголом действительного залога во взаимно-возвратном значении мыслится как трехкомпонентный, но субъект и объект речи представляют собой единое семантическое целое, занимают одну позицию, хотя материально выражены двумя компонентами.

Глаголы действительного залога с взаимно-возвратным значением могут обозначать действия субъектов, направленные друг на друга или производимые вместе. То есть глагол обозначает действие, замкнутое на субъекте (или субъектах), одновременно выступающем объектом речи. Глагол в таких оборотах речи объединяет субъект и объект речи и выражает их взаимное действие.

Действительный залог глагола с совместно-взаимным значением обозначает действия субъектов, совершаемые совместно и направленные на объект. Например: *Мархансай Тэгшэ хоёр нюур нюураа харалсаба.* – Мархансай и Тэгшэ посмотрели в лицо (досл. «лицо в лицо») друг друга. *Мархансай Тэгшэ хоёр* – субъекты, выражены сочетанием существительных в им. п. с числительным, являются подлежащими; *харалсаба (посмотрели вместе друг на друга)* – глагол действительного залога, обозначает

совместно-взаимные действия субъектов, направленные на объекты, является сказуемым; *нюур нюураа* (досл. «лицо в лицо») – объекты, выражены сочетанием существительных в им. и вин. падежах, выступают прямыми дополнениями. Суффиксы *-лса, -лсэ, -лсо* в глаголах с совместно-взаимным значением близки к выражению *вместе друг друга*.

Глаголы действительного залога с совместно-взаимным значением могут употребляться в значении взаимно-возвратных глаголов. Например: *Би тэрээнтэй үзэлсэхэб* (Х. Намсараев). – Я с ним увижусь. *Би тэрээнтэй (я с ним)* – субъекты, выражены сочетанием местоимений в именительном и совместном падежах; *үзэлсэхэб (увижусь)* – глагол действительного залога с показателем совместно-взаимного значения, суффиксом *-лсэ*, употреблен в значении взаимно-возвратного глагола.

Таким образом, в бурятском языке активное действие субъекта выражают глаголы действительного залога. К действительному залогу относятся переходные глаголы, переходные глаголы с побудительным, совместно-взаимным и взаимно-возвратным лексическими значениями.

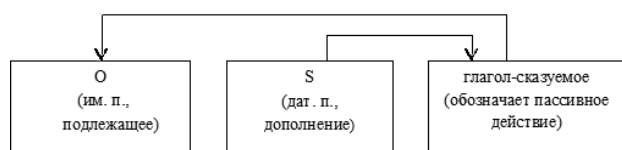
Конструкции с глаголами действительного залога в русском языке легко трансформируются в конструкции, где прямое дополнение становится подлежащим, а подлежащее – косвенным дополнением, выраженным формой тв. п. Например: *Дома ← строятся ← рабочими; Экзамены ← сдаются ← студентами; Здание ← охраняется ← сторожем.* S выступает в форме тв. п. (дополнение), O – в форме им. п. (подлежащее). Такие конструкции (объект – подлежащее, глагол-сказуемое и субъект – существительное в форме тв. п.) называются страдательными оборотами, или пассивными конструкциями; в них употребляются глаголы страдательного залога. Эти глаголы непереходные, но образуются от переходных глаголов с помощью суффикса *-ся*, выполняющего формообразовательную функцию. Показателями страдательного залога являются постфикс *-ся*, который присоединяется к переходному глаголу (т. е. к глаголу действительного залога), и наличие дополнения в форме

тв. п. со значением субъекта действия или его эквивалентов. Объект выступает в форме им. п. Страдательный залог имеет морфологическую (постфикс *-ся*) и синтаксическую (О в им. п. + + непереходный глагол с постфиксом *-ся* + S в тв. п.) характеристики: *Учебник изучается учениками; Картина рисуется художником.*

В бурятском языке конструкции с глаголами действительного залога также легко трансформируются в конструкции, где прямое дополнение (объект) становится подлежащим, а подлежащее (субъект) – косвенным дополнением в форме дат. п. Такие обороты речи называются страдательными, или пассивными, и в них употребляются глаголы страдательного залога.

Глагол страдательного залога обозначает пассивное действие или состояние объекта. Эти глаголы непереходные, но образуются от переходных глаголов. Например: *Үнээн Димидтэ хаагдажа, тугал Доржодо адуулагдажа байна.* – Димид доит корову, Доржи пасет теленка (досл. *Корова доится Димидом, теленок пасется Доржем*).

В страдательном обороте речи субъект (производитель действия) выступает в бурятском языке в форме дат. п., глагол обозначает его действие, направленное на объект, выраженный формой им. п. Конструкции со страдательным залогом бурятских глаголов можно представить следующим образом:

В конструкциях со страдательным оборотом речи подлежащее называется объектом, который испытывает действие, выраженное сказуемым. Глаголы страдательного залога имеют особый формообразовательный суффикс *-гда (-гдэ, -гдо)*. Одним из основных показателей страдательного залога глагола в конструкциях со страдательным оборотом речи является употребление субъекта (имени) в форме дат. п.

Например: *Матвей Семенович Доржодо айхабтар ойроор, ехэ хайнаар ханагдана* (Ч. Цыдендамбаев). – *Матвей Семенович вспоминается Доржи очень близким, очень хорошим человеком.* Доржодо – субъект, выражен существительным в дат. п.; ханагдана (вспоминается) – глагол страдательного залога, обозначает действие, которое испытывает субъект при воспоминании об объекте, является сказуемым; *Матвей Семенович* – объект, выражен существительным в им. п.

Хонин шонодо баригдаба. – *Овца схвачена волком.* Шонодо (волком) – субъект, выражен существительным в дат. п.; является дополнением; баригдаба (схвачена) – глагол страдательного залога, обозначает действие, которое испытывает объект в результате действия субъекта, является сказуемым; хонин (овца) – объект, выражен существительным в им. п., является подлежащим.

Наблюдаются особенности в употреблении глаголов с формальным показателем страдательного залога, имеющих в лексическом значении сему «лишение, уменьшение, удаление». В приведенных ниже примерах глаголы с суффиксами страдательного залога организуют конструкции, характерные для действительных оборотов в речи: субъект выражен именем в им. п., объект – существительным в вин. п. Однако сам глагол обозначает пассивное состояние субъекта в результате лишения объекта, т. е. употреблен в страдательном значении.

Олон хун тэмээнэй ашаа алтанай түлөө амяа хороогдобо (Арадай онт.). – *Много людей лишились жизни из-за верблюжьего выюка с золотом.* Олон хун (много людей) – субъект, выражен сочетанием существительного в им. п. с наречием; хороогдобо (лишились) – глагол со страдательным значением, обозначает действие, которое испытывает субъект в результате лишения объекта, является сказуемым; амяа (жизни) – объект, выражен существительным в вин. п.

Тэдэнэр аргаяа барагдаба (Ч. Цыдендамбаев). – *Они исчерпали возможности* (досл. *Они лишились возможности*). Тэдэнэр (они) – субъект, выражен местоимением в им. п.;

барагдаба (исчерпали) – глагол со страдательным значением, обозначает действие, которое испытывает субъект в результате лишения объекта, является сказуемым; *аргаяа (возможности)* – объект, выражен существительным в вин. п.

Конструкции как с активным (действительным), так и с пассивным (страдательным) оборотом речи являются в русском и бурятском языках трехчленными, состоящими из субъекта, объекта и глагола, но в контексте они могут утрачивать одну из позиций и быть двухчленными.

В русском языке действительный оборот речи может выступать как двухэлементный в определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях. Например: *Люблю грозу в начале мая* (определенно-личное предложение: глагол + объект); *По соседству строят дом* (неопределенно-личное предложение: глагол + объект); *Что посеешь, то и пожнешь* (обобщенно-личное предложение: глагол + объект). Страдательный оборот речи тоже может быть двухчленным (объект + глагол): *Дом строится; Здание охраняется.*

В бурятском языке действительный оборот речи может выступать как двухэлементный в обобщенно-личном предложении, утрачивая позицию субъекта. Например: *Ажалгүйгөөр алганашье барихагүйи* (Поговорка). – *Без труда и окуня не поймаешь.* Субъект речи (*ты*) подразумевается – аффикс глагола 2 л. ед. ч. *-и* указывает на него; *барихагүйи (не поймаешь)* – глагол действительного залога, обозначает действие субъекта, прямо направленное на объект, выступает в функции сказуемого; *алганашье (окуня)* – объект, выражен существительным в вин. п., является дополнением.

Глаголы с взаимно-возвратным и совместно-взаимным суффиксами могут употребляться для выражения действия, производимого попутно. Например: *Хүнэй мори асаралдажа ерээб* (Ж. Тумунов). – *Привел я чужого коня вместе с другим.* Субъект речи (*я*) подразумевается – на него указывает аффикс глагола 1 л. ед. ч. *-б*; *асаралдажа ерээб* – аналитическая форма глагола *привел*, глагол действительного залога с взаимно-возвратным суффиксом, обозначает

попутное действие субъекта, переходящее на объект, выступает в функции сказуемого; *мори (коня)* – объект, выражен существительным в вин. п., является дополнением.

Конструкции со страдательным оборотом речи тоже могут выступать как двухэлементные, утрачивая позицию объекта речи, в односоставных обобщенно-личных предложениях. Например: *Тигээд хүнэй мяха эдидэг хүнүүдтэ баригдашаба* (Ч. Цыдендамбаев). – *Так был схвачен людоедами.* *Хүнүүдтэ (людьми-людоедами)* – субъект, выражен существительным в дат. п., является дополнением; *баригдашаба (был схвачен)* – глагол страдательного залога, обозначает действие, которое испытывает объект в результате действия субъекта; является сказуемым; объект (*он*) подразумевается – на него указывает нулевой аффикс глагола.

Глаголы, имеющие словообразовательные суффиксы со значением побуждения, могут употребляться не только в конструкциях с действительным оборотом речи, но и в страдательных оборотах речи, которые являются двухчленными. Например: *Хойш, үнээндэ мургүүлбэи!* – *Уйди, как бы тебя не забодала корова.* *Үнээндэ (корова)* – субъект, выражен существительным в дат. п., является дополнением; *мургүүлбэи (не забодала)* – глагол в значении страдательного залога с побудительным суффиксом *-үүл*, обозначает предупреждение о результате действия, которое может испытать объект (*ты*) со стороны субъекта, является сказуемым; объект (*ты*) подразумевается – суффикс глагола 2 л. ед. ч. *-и* указывает на него.

Произведенное сопоставление позволяет сделать следующие выводы. Категория залога глагола, выражающая в предложении субъектно-объектные отношения, есть в русском и бурятском языках. В обоих языках категория залога глагола базируется на противопоставлении глаголов действительного и страдательного залогов. К общим свойствам грамматической категории залога глагола в русском и бурятском языках относится то, что в ней тесно переплетены грамматические (морфологические, синтаксические), лексические и словообразовательные значения.

Типологические особенности категории залога глагола связаны с принадлежностью русского языка к флективному, а бурятского – к агглютинативному типу языка.

В русском языке есть глаголы действительного залога, не имеющие специального морфологического показателя, характеризующиеся только синтаксически, и возвратные глаголы, образующиеся с помощью суффикса *-ся* со словообразовательными значениями. Интересно отметить, что это едва ли не единственный агглютинативный суффикс во флективном русском языке. Агглютинативный суффикс *-ся* служит также морфологическим показателем формы страдательного залога глагола в русском языке. Следовательно, указанный суффикс является полифункциональным: в глаголах действительного залога выступает в функции словообразовательного, а в глаголах страдательного залога – формообразовательного.

В бурятском языке глаголы действительного залога тоже могут быть как непрямые, так и производные. Производные глаголы образуются с помощью словообразовательных суффиксов с побудительным (*-уул, -га*), совместно-взаимным (*-лса, -лсэ, -лсо*) и взаимно-возвратным (*-лда, -лдэ, -лдо*) значениями.

Интересно, что производные глаголы страдательного залога в бурятском языке также могут использовать словообразовательный суффикс *-уул* с побудительным значением. Данные глаголы употребляются в двухэлементных конструкциях.

Русские глаголы действительного залога (возвратные глаголы) со словообразовательным суффиксом *-ся* тождественны по значению бурятским глаголам действительного залога со словообразовательными суффиксами с совместно-взаимным (*-лса, -лсэ, -лсо*) и взаимно-возвратным (*-лда, -лдэ, -лдо*) значениями.

В обоих языках действительный и страдательный обороты речи могут выступать как двухэлементные: в русском языке – в определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях; в бурятском – в обобщенно-личных предложениях.

Таким образом, в грамматической категории залога глагола в русском и бурятском языках обнаруживаются как общие семантические признаки, служащие основанием для выделения этой категории, так и особенности, связанные с типологическими различиями в проявлении данной категории в языках.

Список литературы

1. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1970. 767 с.
2. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.
3. Шмидт Я.И. Грамматика монгольского языка: пер. с нем. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1832. 184 с.
4. Бобровников А. Грамматика монгольского языка, сочиненная протоиереем Иркутской епархии Александром Бобровниковым. СПб.: Тип. Святейшего правительствующего Синода, 1835. 128 с.
5. Ковалевский О.М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1835. 202 с.
6. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Унив. тип., 1849. 403 с.
7. Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка, читанные приват-доцентом С.-Петербургского университета В.Л. Котвичем. СПб.: Изд. студентов: Э. Мауринг и Э. Беренс, 1902. 205 с.
8. Понпе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 268 с.
9. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Г.Д. Санжеев. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 340 с.
10. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 266 с.

11. Егодурова В.М. Глагол в бурятском языке: история изучения. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 288 с.
12. Егодурова В.М. Бурятский глагол. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. 140 с.

References

1. Shvedova N.Yu. (ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, 1970. 767 p.
2. Shvedova N.Yu. (ed.). *Russkaya grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology]. Moscow, 1980. 783 p.
3. Shmidt Ya.I. *Grammatika mongol'skogo yazyka* [Grammar of the Mongolian Language]. St. Petersburg, 1832. 184 p.
4. Bobrovnikov A. *Grammatika mongol'skogo yazyka, sochinennaya protoiereem Irkutskoy eparkhii Aleksandrom Bobrovnikovym* [Grammar of the Mongolian Language Composed by Protopriest of the Irkutsk Eparchy Aleksandr Bobrovnikov]. St. Petersburg, 1835. 128 p.
5. Kovalevskiy O.M. *Kratkaya grammatika mongol'skogo knizhnogo yazyka* [A Concise Grammar of the Mongolian Literary Language]. Kazan, 1835. 202 p.
6. Bobrovnikov A. *Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka* [Grammar of the Mongolian-Kalmyk Language]. Kazan, 1849. 403 p.
7. Kotvich V.L. *Lektsii po grammatike mongol'skogo yazyka, chitannye privat-dotsentom S.-Peterburgskogo universiteta V.L. Kotvichem* [Lectures on the Grammar of the Mongolian Language Delivered by Privat-Docent of Saint Petersburg University V.L. Kotvich]. St. Petersburg, 1902. 205 p.
8. Poppe N.N. *Grammatika buryat-mongol'skogo yazyka* [Grammar of the Buryat-Mongolian Language]. Leningrad, 1938. 268 p.
9. Sanzheev G.D. (ed.). *Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Buryat Language. Phonetics and Morphology]. Moscow, 1962. 340 p.
10. Sanzheev G.D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. Glagol* [Comparative Grammar of the Mongolian Languages. The Verb]. Moscow, 1963. 266 p.
11. Egodurova V.M. *Glagol v buryatskom yazyke: istoriya izucheniya* [The Verb in the Buryat Language: A History of Study]. Ulan-Ude, 2001. 288 p.
12. Egodurova V.M. *Buryatskiy glagol* [The Buryat Verb]. Ulan-Ude, 2003. 140 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.62

Viktoriya M. Egodurova

Buryat State University named after D. Banzarov;
ul. Smolina 24-a, Ulan-Ude, 670000, Russian Federation;
e-mail: egodurova52@mail.ru

THE GRAMMATICAL CATEGORY OF VOICE IN THE RUSSIAN AND BURYAT LANGUAGES: A COMPARATIVE TYPOLOGY

This article compares the verb categories of voice realizing the subject-object relations in a sentence in the Russian and Buryat languages. The common basis of the lexical-grammatical category of voice as a linguistic universal was revealed; verb forms corresponding to different voices in the compared

For citation: Egodurova V.M. The Grammatical Category of Voice in the Russian and Buryat Languages: A Comparative Typology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 4, pp. 62–71. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.62

languages were determined. In both languages, the category of voice is formed by the active–passive voice opposition. Further, the semantic peculiarities of the voice forms of Russian and Buryat verbs were compared. In these two languages, active-voice verbs can be both derivative and non-derivative, denoting actions as directed from the subject and passing over to the object (transitive verbs); in some constructions the subject simultaneously acts as an object of the action (intransitive verbs). Derivative active-voice verbs in the Russian language are reflexive intransitive verbs with the derivational suffix *-ся*. Derivative active-voice verbs in the Buryat language are verbs with the following derivational suffixes: with the hortatory (*-уул*), mutual-reciprocal (*-лса, -лсэ, -лсо*), and reciprocal-reflexive (*-лда, -лдэ, -лдо*) meanings. Verbs in the passive voice in the Russian and Buryat languages denote passive actions. These are the intransitive verbs, which are formed from transitive verbs with the help of suffixes. In Russian, these are reflexive verbs with the inflectional suffix *-ся*. In the Buryat language, passive-voice verbs can be both derivative (formed using the derivational suffix *-уул* with the hortatory meaning) and non-derivative (formed using the inflectional suffixes *-эда, -эдэ, -эдо*). In the category of voice in these two languages, the grammatical (morphological and syntactic), lexical and word-building meanings are closely intertwined and manifested in different ways due to the specificity of the inflected (Russian) and agglutinative (Buryat) types of language. This article characterizes both universal and distinctive features of the semantics and ways of expressing the category of voice in the Russian and Buryat languages.

Keywords: *Russian language, Buryat language, subject-object relations, category of voice, derivational suffix, inflectional suffix.*

Поступила: 27.03.2019

Принята: 29.04.2019

Received: 27 March 2019

Accepted: 29 April 2019